

ИМПЕРАТОРСКИЕ СВИТКИ

ALPHATART

ВТОРОЙ БРАК
ИМПЕРАТРИЦЫ
1

МОСКВА

УДК 821.531-312.9
ББК 84(5Кор)-44
А53

Alphatart
THE REMARRIED EMPRESS 재혼황후 VOL 1 WEBNOVEL

NAVER WEBTOON
The Remarried Empress © Alphatart
All Rights Reserved.

Illustration The Remarried Empress © NAVER WEBTOON

Перевод с корейского языка П. Садиковой

Сверка с корейским Е. Бекетовой

Издательство «Эксмо» выражает благодарность
Екатерине Бодяковской, Софье Ефремовцевой, Марии Момджян,
Беате Сольер и Елизавете Трапезниковой
за помощь в подготовке этой книги.

Alphatart.

А53 Второй брак императрицы. Том 1 / Alphatart ;
[перевод с корейского П. Садиковой]. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-04-229234-7

Навье всю жизнь готовилась стать идеальной императрицей, и её старания окупались. Теперь она — блистательная правительница Восточной империи, жена императора Совьешу. Брак был заключён по расчёту, но с детства их связывала нежная дружба, которая со временем могла перерасти в нечто большее.

Однако Навье никогда не думала об этом всерьёз, пока однажды Совьешу не привёл в их дворец красивую беглую рабыню. Та становится его официальной фавориткой, а следом беременеет долгожданным наследником престола.

Мир императрицы переворачивается с ног на голову. Обманчиво беззащитная фаворитка ведёт свою игру, Совьешу всё сильнее отдаляется от своей законной жены, и Навье кажется, что её жизнь вот-вот разрушится. Но тайная дружба с прекрасным и загадочным принцем из соседнего королевства помогает всё изменить...

УДК 821.531-312.9
ББК 84(5Кор)-44

© Садикова П.С., перевод на русский
язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229234-7

ГЛАВА 1

КАЖЕТСЯ, Я ВОТ-ВОТ ЛИШУСЬ СТАТУСА ИМПЕРАТРИЦЫ

— Я согласна на развод. Стоило мне произнести это, она едва заметно улыбнулась. Неужели я была единственной, кто обратил на это внимание?

Во взгляде Совьешу смешались облегчение и сожаление. Было ли это игрой на публику или его искренними чувствами?

До сих пор я была для него верной соратницей и безупречной императрицей. Да, после того как он привёл ту женщину, наши отношения несколько охладели, но до этого мы даже ни разу не ссорились.

Он отрекается от меня ради своей любви, но даже в этот последний миг он стремится остаться хорошим человеком и достойным императором.

Едва ли ему хочется, чтобы унижительный бракоразводный процесс затянулся из-за моего упрямого нежелания покидать трон, сопротивления моего рода и давления со стороны Верховного Храма, благословившего наш союз.

Таким он был мужчиной — таким был и императором.

— Ваше Императорское Величество! Это же невыносимо! — закричал маркиз Фаранг и кинулся ко мне. Однако стража остановила его практически сразу, не позволив сделать и шага дальше.

Маркиз, графиня Элиза и заместительница командира императорской стражи рыцарь Артина — все они заслужили мою благодарность.

Я бросила на них последний, наполненный искренней признательностью взгляд и повернулась к Первосвященнику.

— Императрица Навье, вы действительно без всяких возражений соглашаетесь с этим документом о разводе? — немного рассерженно спросил он.

Он думал, что я начну бороться. Что заявлю: «Развод? Никогда!» и «С какой стати мне уступать?». Что потребую суда.

Только вот шанс выиграть суд против Императора равен нулю.

Если бы процесс затянулся на несколько лет, всё это время люди, слушая новости о его ходе, обсуждали бы Императора и его фаворитку. Именно этого и желали Первосвященник, моя семья и друзья.

Я слегка качнула головой.

Если я начну бракоразводный процесс, то, конечно, подпорчу репутацию Совьешу. Но и моё имя пострадает не меньше.

Дело не в том, что меня снедали душевные терзания. Если бы я увязла в этой запутанной истории, я бы не смогла в сложившейся ситуации добиться того, чего желала на самом деле.

— Да, я согласна на развод.

Мой голос прозвучал ровно и бесстрастно. Первосвященник тяжело вздохнул, покачал головой и молча отвёл взгляд. Тут и там раздались приглушённые вздохи досады и сожаления.

— И я требую одобрения повторного брака.

Атмосфера в зале мгновенно переменилась.

Первосвященник от изумления широко раскрыл глаза. Воцарилась гробовая тишина. Присутствующие переглядывались, не веря собственным ушам.

Даже она, стоявшая рядом с Совьешу, не осталась равнодушной: на её лице проступило странное выражение. Что уж говорить о самом Совьешу: он нахмурил брови и уставился на меня с недоумением.

— Императрица Навье... П-повторный брак? — растерянно переспросил Первосвященник.

Вместо ответа я просто вытянула в сторону руку.

Как по сигналу, мужчина, до этого мгновения скрывавшийся под расшитой крупными жемчужинами вуалью, легко и непринуждённо рассмеялся.

— Ну что, кажется, теперь мой выход?

Тишина сменилась нарастающим гулом перешёптываний. Мужчина уверенным шагом вышел вперёд и встал рядом со мной.

Когда он сбросил вуаль, скрывавшую его лицо, Совьешу, до этого лишь молча наблюдавший за развитием событий, резко вскочил с трона.

— Навье! Да ведь это же...

— Мой будущий супруг, — невозмутимо пояснила я.

Первосвященник побледнел, под его глазами проступили тёмные круги, будто на него внезапно навалилась усталость.

Я лучезарно улыбнулась и посмотрела на мужчину рядом.

Он лишь пожал плечами. Выражение его лица ясно говорило: «Ну а чего ты хотела? Мы же предвидели такую реакцию».

И в этот момент у меня появилось до странного приятное ощущение.

Хотя я делала это не ради мести.

Род Троби, которому я принадлежала, взрастил уже не одну императрицу. Для правителей и аристократов браки по расчёту были в порядке вещей. Их философия заключалась в том, чтобы жениться по стратегическим соображениям, а любовь искать на стороне. Иметь любовника или любовницу было делом обычным, будь ты знатным мужчиной или благородной дамой.

Осис III, предыдущий император, заранее озаботился выбором невесты для наследника престола, и в конечном итоге выбор пал на меня.

С юных лет я повсюду следовала за правящей императрицей, постигая обязанности, возложенные на хозяйку трона, и досконально изучая этикет императорского двора.

К счастью, кронпринц Совьешу и я ладили довольно неплохо и могли общаться как хорошие друзья. И это уже

было немало, пускай мы и не питали друг к другу романтических чувств.

В конце концов, брак по расчёту — это когда вы, даже вцепившись друг другу в волосы в ожесточённой ссоре, по воле семьи обязаны расплыться в вымученной улыбке и идти под венец.

В свете всего этого мы с Совьешу могли считать себя весьма везучими. У нас было довольно много общего.

Аристократы, глядя на нас, радовались, словно мы были парой неразлучных птенцов, а мы с Совьешу, склонившись над одним столом, строили планы и обсуждали, какой будет страна, которую нам предстояло создать для будущих поколений.

Даже когда мы повзрослели и отец Совьешу уступил ему трон, даже после церемонии нашей коронации — мы сохраняли весьма тёплые отношения.

Так продолжалось... года три.

Тот день был полон хлопот: все мысли были заняты подготовкой к празднованию Нового года.

Проведя целый день в совещаниях с чиновниками, я наконец вернулась в свои покои и сразу заметила, что мои фрейлины были явно не в духе.

— Что-то случилось? — поинтересовалась я, не скрывая беспокойства.

Те отвечали с явным раздражением:

— Ваше Величество, после охоты Его Величество Император привез с собой какую-то... чумазую девицу.

— И, кажется, она ему весьма приглянулась, раз он удостоил нас приказом отмыть её.

Мою свиту, как и подобает свите императрицы, составляли знатные леди из самых высокородных семей. Их руки касались воды лишь тогда, когда мне требовалось их слу-

жение. Для женщин, которые дома никогда не мылись без посторонней помощи, такой приказ был как гром среди ясного неба.

Однако во всей этой истории было нечто странное. Совьешу, который лучше кого бы то ни было знал о гордом нраве моих фрейлин, вдруг приказывает им обмывать какую-то девку, привезённую с охоты?

— Кто она такая?

— Никак не знаем, Ваше Величество. Она похожа на бродячую преступницу или рабыню.

— Говорят, она угодила в капкан.

— В капкан? — удивлённо переспросила я.

— Да. Его Величество Император увидел её лежащей с ногой, застрявшей в капкане, и приказал спасти...

Фрейлины, не договорив, принялись переглядываться между собой. Видно было, что это ещё не вся история, но они не решаются рассказать мне всё прямо.

— Всё в порядке, говорите, — мягко настояла я.

Одной из них пришлось продолжить:

— Несмотря на её жалкий вид, она была довольно миловидной. Нам так показалось ещё до того, как мы смыли с неё всю грязь. Но после того, как с мытьём было покончено... Она оказалась поистине красивой, Ваше Величество.

— Почти что не уступает самой герцогине Туании, а ведь та славится первой красавицей в свете.

Пожалуй, опасаясь задеть мои чувства, они тут же, словно сговорившись, поспешили добавить:

— Разумеется, о каком-либо сравнении с Вашим Императорским Величеством не может быть и речи!

Меня по праву называли красавицей. Однако с детства я была супругой кронпринца, а затем и императрицей — потому все склонны были оценивать меня сквозь призму моего статуса, неизменно преувеличивая достоинства. Так что определить, насколько я красива на самом деле, было

весьма затруднительно. Посему обычно в подобных беседах меня исключали из списка сравнений.

Так вот, исключая меня, герцогиня Туания ныне была признанной первой красавицей высшего общества. С тех пор как она дебютировала в семнадцать и вплоть до нынешних её сорока лет, звание «цветка высшего света» принадлежало ей неоспоримо.

И они говорят, что та... находка сравнима с ней? Это в самом деле прозвучало из уст моих высокомерных фрейлин? Выходит, особа, что была привезена Императором с охоты, и впрямь редкая красавица. Будь она просто недурна собой, вряд ли эти дамы стали бы так переживать и подбирать слова.

— Договаривайте. Полагаю, есть что-то ещё?

Я снова настояла, и одна из фрейлин, набравшись смелости, выложила всё как на духу:

— Дело в том... что Его Величеству она, кажется, пришлась весьма по душе.

Произнося эти слова, она, казалось, сама так ужасалась их значению, что даже лицо её побелело.

— По душе?

— После купания мы облачили её в платье одной из служанок со сходной фигурой, и как только она предстала перед взором Его Величества... он не смог сдержать восхищённого вздоха. И тут же принялся осыпать её вопросами: «Как ты умудрилась повредить ногу? Отчего ты так исхудала? Может, что-то болит? Цвет лица у тебя совсем нездоровый...»

— Разве это не обычная учтивость?

В ответ фрейлины вновь переглянулись и приняли смущённый вид.

— Ваше Величество, вы совсем юны и не вступали ещё в романтические отношения, потому вам, вероятно, невдомёк...

— Речь идёт о той особой атмосфере, что возникает между мужчиной и женщиной.

— Мы все — ваши преданные слуги. И посчитали, что лучше сказать правду, даже если вам будет неприятно это слышать.

— Мы были бы безмерно счастливы, если бы наши опасения оказались напрасными.

Среди моих фрейлин лишь леди Лора, которая проходила при дворе обучение этикету, была моей ровесницей. Все остальные были старше меня, а потому естественным образом превосходили меня мудростью и проницательностью в житейских вопросах.

— Понятно... — тихо пробормотала я, ощущая лёгкое смятение.

Даже если опасения моих фрейлин оправдаются и Император и впрямь вспыхивает интересом к этой престольной добыче, что он себе прихватил, — как я должна поступить? Ворваться в его покои и потребовать эту находку себе? Или приказать выбросить её обратно в лес? А может, определить в служанки? На мгновение я почувствовала полную растерянность, не зная, какой реакции от меня ждут.

Главная фрейлина, графиня Элиза, осторожно предложила:

— Что, если вы, Ваше Величество, упомянете, что слышаны о спасённой? Слово бы невзначай.

Другие фрейлины тут же подхватили эту мысль, советуя мимоходом поинтересоваться о ней:

— Может, она просто станет одной из дворцовых служанок, и только...

— Но на всякий случай...

Я кивнула и изобразила улыбку, сделав вид, что всё это — сущие пустяки.

— Хорошо. Благодарю вас за заботу. Его Величество всегда был столь сострадательным; уверена, он просто сжалился над бедняжкой.

Когда же начать с Императором разговор о спасённой женщине? Хорошенько поразмыслив, я решила, что сделаю это завтра за ужином.

Хотя мы и считались супругами, наши с Императором личные покои находились на противоположных концах дворцовой территории: в восточном и западном дворцах. Считалось, что такое расположение покоев символично: император и императрица совместно, с двух сторон, поддерживают государство. Однако этот символизм быстро забылся, и теперь такое устройство стало идеальным прикрытием для того, чтобы супруги могли приглашать к себе фаворитов, не нарушая личного пространства друг друга.

Мы с Совьешу пока до этого не дошли, однако дел у каждого из нас было невпроворот, да и круг повседневных забот редко пересекался, поэтому чаще всего мы трапезничали и отходили ко сну порознь. Но дважды в неделю мы непременно ужинали вместе — и завтра как раз был такой день.

Верно. Если я явлюсь к нему сегодня и стану расспрашивать о подобранной на охоте девице, это будет смотреться откровенным вмешательством в его личные дела. Следует подождать день-два.

До сих пор помню наказ, что дала мне матушка накануне замужества:

— Если в будущем Его Высочество Совьешу заведёт себе любовницу, не смей лезть между ними.

— Но разве это правильно?

— Обратись к истории. Был ли хоть один император, обходившийся без фавориток? Даже Осис II, чьё правление называют золотым веком, официально содержал два десятка. Не трать на это нервы, Навье. В такой ситуации твоя задача — найти мужчину, который будет моложе,

красивее и выносливее самого Совьешу. Понимаешь, о чём я? И сделать его своим фаворитом.

Простолюдин, услышав подобное, наверняка удивился бы такой драме, но в мире аристократии, где браки по расчёту — норма, это было в порядке вещей.

Разумеется, право наследования и место в родовой книге получал лишь ребёнок, рождённый в законном браке. А уж храм без труда определял родство по крови: на это требовался всего лишь час.

Настоящие проблемы в среде знати возникали тогда, когда мужчина вдруг начинал испытывать чувства к собственной жене. Или когда жена осмеливалась полюбить своего мужа.

Именно тогда, когда одна сторона желала завести любовника, а вторая не могла смириться с этим, и разыгрывались самые трагические сцены. Именно этого, должно быть, и опасалась моя матушка.

Так что я последовала её совету и решила не спешить к Совьешу сегодня. Спрошу завтра за ужином. И даже если он действительно вознамерится сделать подобранную на охоте девушкой своей фавориткой... что ж, мне остаётся лишь сделать вид, что мне всё равно.

Я не была влюблена в него. И знала, что все живут именно так. И всё же, едва я подумала о том, что мой муж, возможно, заведёт себе другую женщину, я ощутила, как в сердце зародилась звенящая пустота.

Странно. Я протянула руку и прикоснулась к груди: сердце билось ровно и спокойно.

На следующий день слухи о «женщине-добыче» полетели по дворцу вдвое быстрее. Хотя в открытую мне о ней докладывала лишь моя свита, стоило присесть в тихом уголке, как отовсюду доносился навязчивый шёпот.

За обедом фрейлины, явно расстроенные, принялись ворчать:

— Говорят, та грязнуля — беглая рабыня. Видимо, в панике забрела в охотничьи угодья.

— А поскольку они граничат с владениями виконта Ротеша, скорее всего, сбежала она именно от него.

— Если она — беглянка, её следовало бы немедленно вернуть. Но поговаривают, будто Его Величество сжалился над ней и даже распорядился подыскать для неё прислугу.

Когда время стало приближаться к ужину, фрейлины принарядили меня с особой тщательностью.

Меня облачили в платье, усыпанное сверкающими серебряными камнями, а в уши вдели скромные жемчужные серьги. Весь процесс одевания сопровождался комплиментами, которыми меня осыпали, словно жемчугом.

Мои фрейлины всегда окружали меня заботой, но сегодня их предупредительность была нарочито подчёркнутой.

— Что бы там ни говорили о красоте той рабыни, разве может она сравниться с Вашим Величеством?

— Увидев вас, Его Величество Император непременно прозреет.

Но все их слова утешения странным образом пролетали мимо моих ушей, не оседая в сердце, словно пустое эхо. Если бы пышные наряды и впрямь могли покорить его сердце, разве не стал бы Совьешу моим пленником с самой первой нашей встречи?

В голову лезли лишь пустые мысли. И хотя я понимала тщетность усилий моих фрейлин, я безропотно позволяла им делать своё дело.

Когда туалет был завершён, я проследовала в восточный дворец, где находились покои императора, и устроилась за столом, который был непозволительно огромен для нас двоих. Сначала разговор наш вертелся вокруг текущих государственных дел и приготовлений к Новогодним торжествам. Я ждала, что Совьешу сам заведёт речь о той беглой рабыне,